

РЕАЛЬНА ЛИ ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

А. В. СТОВБА*

Настоящая статья представляет собой обзор концепции известного украинского правоведа, профессора, доктора юридических наук, члена-корреспондента Академии правовых наук Украины Сергея Ивановича Максимова, которому в 2016 г. исполнилось 60 лет. С. И. Максимов является одним из ведущих представителей философии права на постсоветском пространстве. Известность украинскому ученому принесла разработанная им авторская концепция правовой реальности. Посредством всестороннего осмысления права как правовой реальности С. И. Максимов представляет мир права как целостное образование, интегрированное не только в мир социальный, но и во все пространство отношений между людьми. Подобная интеграция достигается посредством выделения статического и динамического компонентов в структуре правовой реальности. В свою очередь статическая составляющая правовой реальности распадается на естественное и позитивное право, тогда как динамический компонент правовой реальности включает в себя такие элементы, как идея права, закон, правовая жизнь. С. И. Максимов считает необходимым обратить внимание на то, что проблема бытия права отнюдь не представляет собой набор банальностей либо самоочевидных истин. Напротив, вопрос о правовом (а не моральном, экономическом, властном) характере права — глубочайшая философская и правовая проблема. По мнению украинского философа права, она неразрывным образом связана с проблемой осмысления человеческого бытия. Тем самым концепция украинского правоведа в методологическом и общеправовом отношении пребывает в родстве с экзистенциально-феноменологическими подходами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, правовая реальность, философия права, закон, правовая жизнь.

STOVBA A. V. IS THE LEGAL REALITY REAL?

This article reviews the concept of the famous Ukrainian legal philosopher, professor, doctor of legal sciences, associate member of the Ukrainian Academy of Legal Sciences, Sergiy Ivanovich Maxymov who has reached the age of 60 in 2016. He is one of the leading representatives of the philosophy of law and legal theory in the former Soviet Union. He became famous for elaboration of his own original concept of the legal reality. By comprehensive understanding of law as a legal reality, the Ukrainian legal scientist represents the world of law as a complex phenomenon integrated not only within the social world, but also within the whole range of the interpersonal relations. Such

* Стовба Алексей Вячеславович — кандидат юридических наук, докторант кафедры философии Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого (Харьков, Украина).

Aleksey V. Stovba — candidate of legal sciences, doctoral student of the Department of Philosophy, The Yaroslav the Wise National Law University (Kharkiv, Ukraine).

E-mail: stovba34@mail.ru

© Стовба А. В., 2016

integration is achieved through extracting static and dynamic components within the structure of the legal reality. In its turn, the static component is divided into the positive law and the natural law, while the dynamic component includes such elements as the idea of law, a statute, and the legal life. S. I. Maxymov finds it necessary to pay attention to the fact that the problem of law existence is not just a number of platitudes and self-evident truths. On the contrary, the issue of the “legal” (rather than moral, economic, authoritative) character of the law is one of the deepest philosophical and legal problems. According to S. I. Maxymov, it is closely connected with the problem of understanding of human existence. Thus, the concept of the Ukrainian philosopher is close to the legal existentialism and legal phenomenology in terms of its methodological and general philosophical aspects

KEYWORDS: law, legal reality, legal philosophy, statute, legal life.

В отличие от тенденций, доминирующих в современной западноевропейской и американской философии права, постсоветское правоведение в конце XX — начале XXI в. активно обратилось к проблемам правовой онтологии. Десятилетия доминирования позитивизма и нормативизма в советской теории права вызвали мощную обратную реакцию, побудив правоведов задаться вопросом о том, как право может существовать вне идеологических конструкций и репрессивных рамок закона. Этот вопрос о том, «как есть право на самом деле», по самой своей сути является постметафизическим, ведь никакая метафизика не способна встать вровень с событиями, т. е. увидеть, осмыслить, и продуманно охватить то, что в полном смысле бытия теперь *есть*¹.

Один из наиболее ярких примеров стремления исследовать глубинные экзистенциально-онтологические основания права, представив его «как оно есть», — это философское осмысление правовой реальности украинским правоведом С. И. Максимовым. Можно без преувеличения сказать, что его концепция правовой реальности является «знаковой» для постсоветского правоведения рубежа веков². Воплощая в себе многие черты, характерные для динамического правопонимания³, она стала, без

¹ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 207.

² См. прежде всего: Максимов С. И. 1) Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002; 2) Концепция правовой реальности // Неклассическая философия права: вопросы и ответы: коллективная монография / под ред. А. В. Стовбы. Харьков: Библиотека международного журнала «Проблемы философии права». 2013. С. 31–61; 3) Что есть право? // Правоведение. 2013. № 1. С. 238–245.

³ Термин «динамическое правопонимание» является собирательным обозначением для ряда современных философско-правовых концепций, разработанных правоведами Беларуси (В. И. Павлов), России (А. В. Поляков, И. Л. Честнов, В. А. Четвернин), Украины (С. И. Максимов, А. В. Стовба). Для указанных подходов характерно общее стремление их авторов осмыслить, «что же делает право правом», когда существование права рассматривается как динамический, процессуальный феномен — правовая коммуникация (А. В. Поляков), правовой диалог (И. Л. Честнов), правовое бытие (А. В. Стовба) и пр. Более подробное обоснование данного термина осуществлено мною в ряде публикаций: Стовба А. В. Темпоральная онтология права // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Минск, 2012. С. 33–39; Стовба О. Темпоральна онтологія права. Прологемени // Філософія права

сомнения, «новым словом» в осмыслении многих ключевых проблем правовой философии и, прежде всего, вопроса о том, как существует право.

Приступая к описанию философии права С. И. Максимова, необходимо отметить, что для нее, как и для ряда иных концепций динамического правопонимания, «родственными» являются феноменологическая и экзистенциально-правовая школы. Так, украинский правовед указывает, что проблема осмысления права решается через выявление его укорененности в человеческом бытии, присутствия в человеческой жизни. Вопрос о том, что есть право, решается через уяснение вопроса о том, каковы мы сами. В каком-то смысле можно сказать, что не мы толкуем право, а право толкует нас⁴. Тем самым в позиции С. И. Максимова, который трактует право экзистенциально, как неотъемлемую черту нашего бытия, прослеживается несомненное сходство с установками российского правоведа Ю. Е. Пермякова (предлагающего «услышать», что и по каким поводам право заявляет о себе само), а также Э. Фехнера, В. Майхофера и других представителей правового экзистенциализма, для которых вопрос о бытии права был неразрывно связан с вопросом о смысле человеческого существования. Для украинского ученого право представляет собой сферу драм и конфликтов, трудных экзистенциальных выборов и решений, когда буквально на каждом шагу обнажаются глубинные основы человеческого бытия⁵.

Наряду с экзистенциальными мотивами, в концепции права С. И. Максимова весьма сильны и феноменологические коннотации, направленность на право как на *смысловое образование*. При этом смысл ни в коем случае нельзя понимать как «статическое значение», приписываемое тому либо иному правовому феномену и закрепляемое в застывшем концепте. Как указывает украинский правовед, право представляет собой не понятие, которое надлежит прояснить, а повествовательно структурированный социальный процесс, в котором участники юридической практики высказывают свои интерпретации отдельных аспектов правовой реальности. Отсюда следует, что целью правовой теории является не создание идеального правового нарратива с тем, чтобы перенести его в практику, а активность теории в творческом нарративе права как преодоление статических конвенций и предоставление возможности более полного участия в непрерывном процессе создания и трансформации правовых смыслов⁶. Таким образом, в динамическом правопонимании С. И. Максимова наряду с экзистенциализмом доминантными являются, с одной стороны, фено-

---

і загальна теорія права. 2012. № 2. С. 95–101; Предисл. редактора к: Неклассическая философия права: вопросы и ответы: коллективная монография / под ред. А. В. Стовбы; Стовба А. В. Классическая и неклассическая философия права: онтология и методология // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Минск, 2013. С. 58–64; Стовба О. В. Динамічне праворозуміння: онтологія і методологія // Право України. 2014. № 1. С. 120–125.

⁴ Неклассическая философия права: вопросы и ответы / под ред. А. В. Стовбы. С. 52.

⁵ Максимов С. И. Правовая реальность как предмет философского осмысления: дис. ... д. ю. н. Харьков, 2002. С. 23.

⁶ Неклассическая философия права: вопросы и ответы. С. 53.

менологические мотивы с коммуникативными компонентами (и в этом прослеживается несомненная близость концепции правовой реальности воззрениям А. В. Полякова), а с другой — герменевтическая составляющая. По словам С. И. Максимова, в рамках концепции правовой реальности познание права в строго эпистемологическом смысле теоретического опыта является невозможным. Речь, скорее, может идти о герменевтическом понимании как воспроизводстве права в ходе его осуществления⁷.

Переходя к детальной характеристике подхода С. И. Максимова, следует указать, что для него, как и для других представителей динамического правопонимания, характерно негативное отношение к реификации права. Так, подобно А. В. Полякову, для которого «права как такового не существует», украинский правовед настаивает на том, что «право не является некоей вещью, на которую можно указать: вот это и есть право. Право — это особый мир, мир права»⁸. Вместе с тем мир не есть простая совокупность сущего, но скорее некий особый способ его организации. Мир права не «внеположен» действительности. Например, одна и та же вещь одновременно может быть «гражданином» физического, эстетического, химического, правового, математического и многих других миров. Как указывает С. И. Максимов, правовая реальность не представляет собой какую-то субстанциальную часть реальности, а является лишь способом организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни, бытия человека (что роднит его взгляды с правовым институционализмом В. А. Четвернина)⁹. А так как реальность — это свойственное феноменам качество иметь бытие, независимое от нашей воли и желания, то правовая реальность включает в себя и те очевидности, которые хотя и не имеют предметного бытия, но с которыми мы не можем не считаться¹⁰. Правовая реальность у С. И. Максимова имеет смысловое строение, представляет собой, прежде всего, реальность смысла, особый способ осмысления различного рода явлений¹¹. Как сложная многоуровневая система право является не статичным набором элементов, а динамическим процессом собственного становления¹².

Однако в попытках описать, в чем именно заключается специфический — правовой — смысл, как происходит динамическое становление правовой реальности, украинский правовед не удерживается на постметафизическом уровне осмысления права, совершая методологический отход на метафизические позиции, важнейшей из которых является дихотомия сущего и Должного. Так, как уже было сказано, для С. И. Максимова реально то, с чем нельзя не считаться. С данным положением трудно не согласиться. Однако вслед за этим украинский правовед делает странное

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ Там же. С. 32.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Там же.

(для неклассического правоведения) заявление: мир права — это в основе своей реальность должествования, а не существования¹³.

Согласно воззрениям украинского ученого, специфичность онтологии права заключена в том, что бытие права — это особый модус бытия, «бытие-долженствование». Таким образом, реальность права устанавливается не в качестве факта, а исходя из его значимости для человека¹⁴. Однако в силу чего право обладает такой значимостью? С. И. Максимов указывает, что поскольку онтологической основой права выступает межсубъектное взаимодействие, взятое не как субстанциальная реальность, но как ее идеально-смысловой аспект, то когда совместное существование людей грозит обернуться произволом, право содержит момент должествования для ограничения такового. Правовая онтология интерсубъективна, а «первореальностью права» выступает его смысл, заключающийся в определенном должествовании¹⁵. Тем самым право значимо для человека как некий интерсубъективно укорененный в сознании людей смысл «должествования», т. е., по сути, есть некая *априорная значимость*. Однако с таким объяснением, когда право, ранее объявленное *частью бытия* человеческих существ, внезапно оказывается локализованным в *сознании* (пусть и интерсубъективном), сводится на нет вся экзистенциальная составляющая права, вся его соразмерность *человеческому бытию*.

Локализуя право в сознании людей как априорно значимую смысловую структуру, С. И. Максимов вынужден искать ответ, как минимум, на два вопроса. Во-первых, как такое идеальное, деонтологическое образование воплощается в «реальной реальности» общественных отношений? Во-вторых, в чем состоит правовая специфика должного, сколь априорный момент должествования содержит в себе любой феномен, обладающий социальной нормативностью, — мораль, религия и т. д.?

В попытках ответить на первый вопрос украинский ученый отмечает, что право как деонтологическая реальность представляет собой идеально сконструированное бытие, суть которого состоит в должествовании. Правовая реальность имеет смысловое строение. Правовые смыслы опредмечиваются в ментальных установках, идеях и теориях, в знаково-символической форме норм и институтов, в человеческих действиях и отношениях, т. е. в различных проявлениях правовой реальности¹⁶. При этом право представляет собой не статический набор элементов, а динамический процесс собственного становления. Источником развития выступают противоречивые взаимодействия его сторон, находящие отражение в полноте и дополнительности различных подходов к праву. Относительно автономными уровнями правовой реальности (формами бытия права) являются: а) мир идей (идея права), б) мир знаковых форм (правовые нормы и законы), в) мир социальных взаимодействий (правовая жизнь). Они представляют собой уровни становления права, которые выражаются

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

в развертывании концепции правовой реальности от абстрактных ко все более конкретным определениям¹⁷.

Логически исходным компонентом правовой реальности выступает идея права, значимость которой задает операция логического признания права или его обоснования. В свою очередь, позитивное право представляет собой реализацию идеи права. Свое дальнейшее воплощение идея права находит на уровне правовой жизни, когда в процессе право-реализации имеет место переход от законов к материально конкретным определениям. Апогеем правовой жизни является судебное решение. При этом условиями упомянутого перехода выступают признание нормы, принуждение и власть¹⁸. В итоге подлинной реальностью права оказывается не столько жесткий механизм властного принуждения, сколько тонкая паутина особых ментальных состояний — правовых смыслов. Такими основополагающими правовыми смыслами выступают фундаментальная обязанность уважать чужое право и дополняющая ее обязанность отстаивать право собственное¹⁹.

Из подобного правопонимания следует и ответ на второй из ранее упомянутых нами вопросов: об отличии правового долженствования от его морального, религиозного и прочих аналогов. Поскольку условиями «материализации» любой абстрактной нормы выступают ее признание, принуждение и власть, то различие правового долженствования от иных, смежных с ним типов оказывается исключительно институциональным. Поэтому отнюдь не случайно согласие С. И. Максимова с положениями Э. Ю. Соловьева о взаимодополнительности морали и права, а также с утверждением Р. Алекси о моральности права²⁰. Взяв феномен априорного долженствования в качестве исходного пункта реальности права, украинский правовед утрачивает методологические критерии для смыслового отграничения права от иных смежных соционормативных явлений.

Переходя к критическому осмыслению позиции С. И. Максимова, следует отметить своеобразную «расщепленность» его философско-методологических предпосылок. Так, постметафизические по своей сути утверждения о динамизме существования права, акцент на невозможности его «первичной реификации», исходной укорененности права в совместном бытии людей неожиданным образом соседствуют с явной метафизикой. Это и расщепление единого феномена права на измерения сущего (правовая жизнь) и должного (идея права), и чисто гегелевский переход от абстрактной идеи права через закон к конкретике правовой жизни, когда движущей силой подобного перехода выступают присущие правовой реальности противоречия.

Результатом подобной расщепленности оказывается противоречивый ответ на важнейший вопрос об истоке бытия права, его онтологическом основании. Так, утверждая (в духе Гегеля), что бытие права имеет место

¹⁷ Там же. С. 32–33.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Там же. С. 38–39.

как его развертывание от абстрактной идеи права через посредство закона в конкретную правовую жизнь, С. И. Максимов не учитывает, что подобное развертывание имеет место лишь «на бумаге». В действительности же поводом «переключить» реальность в ее правовой режим служит исключительно *конкретная ситуация*: сделка, дорожно-транспортное происшествие, преступление и пр. Именно подобные условия, в которых ни мораль, ни религия не способны дать четкого и однозначного осмысления ситуации, являются «колыбелью» права. Да и сам украинский правовед, как мы ранее видели, соглашается с тем, что право укоренено в человеческом бытии. Тем самым следует предположить, что С. И. Максимов пытается совместить несовместимые по своей сути вещи — метафизику гегельянского толка, отстаивающую право как переход от абстрактной идеи к конкретным отношениям, и экзистенциализм (настаивающий на том, что истоком права является бытие человека в конкретной ситуации).

Также характерна для подхода С. И. Максимова расщепленность феномена права между бытием человека и его сознанием. Ведь указание на укорененность права в человеческом бытии соседствует в концепции украинского правоведа с многочисленными ссылками на то, что право — смысловая реальность, источником которой выступает intersубъективное сознание. Негативным следствием этого является противоречивый ответ на важнейший правовой вопрос — о смысловом истоке права. Так, в феноменологической парадигме правовой смысл является порождением конститутивной деятельности сознания. В правовом экзистенциализме, напротив, смысл явления как правового укоренен в конкретной ситуации, в то время как рефлексия сознания по данному поводу представляет собой лишь «второй шаг», простую констатацию «правовой природы вещей». Таким образом, из высказываний С. И. Максимова нельзя сделать вывод о том, считается ли правовой смысл какого-либо явления исключительным продуктом сознания либо же таковой порожден той особой ситуацией, событием, происшествием, в которых имеет место соответствующий феномен? Иными словами, указание украинского ученого на такой изначальный модус существования права, как «бытие-долженствование», не дает четкого представления о том, как же исходно существует право: либо как intersубъективная обязанность вести себя определенным образом («метафизический» ответ, ведущий к смешению права с иными априорно значимыми нормативными системами), либо же как укорененный в человеческом существовании «повествовательно структурированный социальный процесс», в ходе которого происходит осмысление совместного бытия людей («постметафизический ответ» в русле динамического правопонимания).

Представляется, что плодотворное направление для поиска выхода из сложившейся ситуации способен дать сделанный украинским правоведом акцент на *реальности* права. Как уже было сказано, в понимании С. И. Максимова реально то, с чем нельзя не считаться. Попробуем разобрать данное утверждение подробнее. Что же значит «нельзя не считаться»? Например, в физической реальности нельзя не считаться с законом всемир-

ного тяготения, и тот, кто попытается игнорировать его, неминуемо упадет. В реальности химической нельзя не считаться с законами протекания химических реакций, взаимодействием химических элементов и пр. Как же обстоит дело в реальности правовой? С одной стороны, в праве нельзя не считаться с тем, что любое деяние, направленное на другое лицо, неминуемо вызовет «ответную реакцию» — встречное деяние. Это может быть вручение товара в обмен на деньги, звуковой сигнал в ответ на нарушение правил дорожного движения, необходимая оборона при преступном посягательстве и пр. Именно так и осуществляется правовое взаимодействие в широком смысле этого слова, когда всякий деятель *должен* принимать в расчет правовые последствия своего деяния. Как несложно заметить, «должен» при этом означает то же самое, что и «долженствование» закона всемирного тяготения. Для удобства последующего изложения назовем такое «долженствование» «онтологическим». С другой стороны, в метафизическом правопонимании присутствует долженствование, которое с необходимостью включает в себя сознательную компоненту, как *субъективное признание обязанности* действовать определенным образом. Иными словами, «нельзя не считаться» в данном случае будет означать подчинение некоему «категорическому императиву», который действителен независимо от реальных онтологических условий. Это некая интеллектуально воспринятая необходимость безусловного выполнения требований нормы. Такое долженствование может быть названо «деонтологическим».

Разница между этими двумя типами долженствования будет заключаться в том, что при «онтологическом» долженствовании лицо действует, лишь *принимая в расчет* те либо иные правовые последствия своего поступка, в то время как при долженствовании «деонтологическом» человек обязан *безусловно подчиниться* некоей норме, укорененной в разуме, воле государства и пр. Как несложно заметить, в первом случае мы будем иметь дело с «экзистенциальным субъектом», который, обладая свободой выбора, несет ответственность за возможные последствия совершенного им. Во втором же случае мы встречаем классического «рационального субъекта», который в силу «разума» такой свободой по определению не обладает, будучи *априорно подчинен* неким предписаниям. Тем самым следует заключить, что одним из следствий динамического правопонимания будет переосмысление категории Должного, а именно ее «онтологизация». Подобный подход, локализуя «онтологическое должное» между деянием и его правовыми последствиями, вводит в игру темпоральное измерение права, правовое время. Это, в свою очередь, открывает горизонт для непосредственного осмысления бытия права. Можно предположить, что подобные шаги могут стать плодотворными для дальнейшего целостного и непротиворечивого осмысления правовой реальности.

Таким образом, подводя итоги, следует констатировать, что философское осмысление правовой реальности, предпринятое С. И. Максимовым, является, без сомнения, убедительной и оригинальной версией онтологического обоснования права. Вместе с тем, поскольку ни одна концепция не способна дать окончательных ответов на так называемые

вечные вопросы философии права, мы будем надеяться на то, что украинский ученый еще не сказал своего последнего слова на этом бесконечном, интересном и сложном пути.

Литература

Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. 328 с.

Максимов С. И. Концепция правовой реальности // Неклассическая философия права: вопросы и ответы: коллективная монография / под ред. А. В. Стовбы. Харьков: Библиотека международного журнала «Проблемы философии права», 2013. С. 31–61.

Максимов С. И. Что есть право? // Правоведение. 2013. № 1. С. 238–245.

Неклассическая философия права: вопросы и ответы: коллективная монография / под ред. А. В. Стовбы. Харьков, 2013. 272 с.

Стовба А. В. Темпоральная онтология права // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Минск: Академия МВД, 2012. С. 33–39.

Стовба О. Темпоральна онтологія права. Прологомени // Філософія права і загальна теорія права. 2012. № 2. С. 95–101.

Стовба А. В. Классическая и неклассическая философия права: онтология и методология // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Минск: Академия МВД, 2013. С. 58–64.

Стовба О. В. Динамічне праворозуміння: онтологія і методологія // Право України. 2014. № 1. С. 120–125.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 192–221.

References

Heidegger M. [The letter about Humanism]. Heidegger M. *Vremia i bytie [Time and Being]*. Moscow, Republica Publ., 1993, pp. 192–221. (In Russian)

Махымов С. І. [The Conception of the Legal Reality]. *Neklassicheskaia filosofii prava: voprosy i otvety: kollektivnaia monografiia [Non-classic Philosophy of Law: Questions and Answers. Collective monograph]*. Chief red. A. V. Stovba. Kharkov, 2013, pp. 31–61. (In Russian)

Махымов С. І. Chto est' pravo? [What Law Is]. *Pravovedenie*, 2013, no. 1, pp. 238–245. (In Russian)

Махымов С. І. *Pravovaia real'nost': opyt filosofskogo osmysleniia [The legal Reality: The Experience of the Philosophical Thought]*. Kharkov, Pravo, 2002. 328 p. (In Russian)

Neklassicheskaia filosofii prava: voprosy i otvety: kollektivnaia monografiia [Non-classic Philosophy of Law: Questions and Answers. Collective monograph]. Chief red. A. V. Stovba. Kharkov, 2013. 272 p. (In Russian)

Stovba A. V. [The Classical and Non-classical Philosophy of Law: Ontology and Methodology]. *Klassicheskaiia i postklassicheskaiia metodologiiia razvitiia iuridicheskoi nauki na sovremennom etape [Classical and Post-classical Methodology of the Development of the Legal Science on the Contemporary Stage]*. Minsk, Academy of the Internal Affairs, 2012, pp. 58–64. (In Russian)

Stovba A. V. [The Temporal Ontology of Law]. *Klassicheskaiia i postklassicheskaiia metodologiiia razvitiia iuridicheskoi nauki na sovremennom etape [Classical and Post-*

Classical Methodology of the Development of the Legal Science on the Contemporary Stage]. Minsk, Academy of the Internal Affairs, 2012, pp. 33–39. (In Russian)

Stovba A. V. Dynamichne pravorozuminnja: ontologija i metodologija [Dynamic Understanding of Law: Ontology and Methodology]. *Pravo Ukrai'ny* [Law of Ukraine], 2014, no. 1, pp. 120–125. (In Ukrainian)

Stovba A. V. Temporal'na ontologija prava. Prolegomeny [The Temporal Ontology of Law. Prolegomena]. *Filosofija prava i zagal'na teorija prava* [Philosophy of Law and General Theory of Law], 2012, no. 2, pp. 95–101. (In Ukrainian)